

НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О МЯТЕЖЕ УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ И РОЛЬ РОСТОВА В СОБЫТИЯХ 1480 Г.

К. В. Баранов

Изучение событий, связанных с уничтожением зависимости Московской Руси от Золотой Орды в 1480 г., имеет своеобразную историю: хотя Угорщина упоминалась, конечно, во всех общих трудах по истории России, к специальному источниковедческому изучению ученые обратились только в XX веке¹. Отпразднованное в 1980 г. пятисотлетие победы на Угре способствовало выходу в свет новых работ исследовательского характера. Книги и статьи Ю. Г. Алексеева, В. В. Каргала, Я. С. Лурье, В. Д. Назарова и др. показали возможность новых подходов, так что в целом можно заметить значительное продвижение в изучении проблемы². Особенно отмечу работу Б. М. Клосса и В. Д. Назарова, анализирующую данные нового для этого сюжета источника — Лихачевского летописца 80-х годов XV века³.

Тем не менее, в истории Угорщины остается еще много неясного, и это вызвано не только сложностью и противоречивостью событий 1479—1480 гг. Небогатый выбор источников — а до настоящего времени это были исключительно летописные тексты — не позволяли полностью ориентироваться в политике правительства Ивана III и его противников.

«Отъезд» братьев великого князя — Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого — показал глубину внутриполитического кризиса Руси, ее слабость накануне сильнейшего испытания, а быстрая ликвидация последствий удельного мятежа явилась итогом удачной политики великого князя. Конечно, всякий новый источник об этих событиях очень интересен, но мне представляется особенно важным то, что новое свидетельство о драматических событиях 1480 г. содержится в документе «приказного», управленческого характера — указанной грамоте Ивана III своему служилому человеку об участии в посольстве архиепископа Вассиана Рыло к мятежным удельным князьям.

Напомним, что у великого князя Ивана III были сложные отношения со своими младшими братьями. Правда, дмитровский князь Юрий довольно рано умер (в 1472 г.), не оставив потомства, а вологодский князь Андрей Меньшой в целом не выходил из воли старейшего брата. Однако покорности со стороны углицкого князя Андрея Большого и волоцкого кня-

зя Бориса Ивану III приходилось добиваться неоднократно. Из них Андрей был наиболее сильным противником Ивана III, что и предопределило его печальный конец: в 1491 г. он был изыман, а в 1493 г. умер в тюрьме.

Все началось с конфликта вокруг кн. Ивана Владимира-вича Лыка Оболенского (родоначальника князей Лыковых), служившего великому князю. После присоединения Великого Новгорода он был пожалован наместничеством в Великих Луках. «Наехав» на свое кормление, кн. Иван Лыко начал энергично грабить местное население. Подробное изложение бесчинств нового наместника дает содержащаяся в Литовской метрике Запись о ржевской дани, фиксирующая нарушение прав литовского великого князя на различные доходы на территории Великих Лук и Ржевы (Пустой): «А как князь великий (Иван III — К. Б.) Новгород взял и вечно им сказал, ино наехал князь Лыко на Ржову и на Луки, и тут во Ржове почал судить и радить, и вины брати, и грабити—что хотел, то чинил; а владыще новгородскому и бояром не дал ничего их пошлии брати, все на себе почал брати»⁴. Вероятно, по молодости (а наместничество в Великих Луках было его первым заметным назначением) кн. Оболенский вообразил, что находится на вражеской земле, а не в вотчине великого князя всея Руси.

Близкое знакомство с новым наместником вызвало жалобы местных жителей на ретивого кормленщика. Устроив судебное разбирательство, Иван III «обвинил» кн. Ивана Лыко и присудил ему заплатить по искам лучан⁵. Решение Ивана III осудить своего наместника надо признать довольно необычным: к жалобам на своих слуг такого уровня великие князья оставались равнодушны⁶.

Решение Ивана III было вызвано рядом причин, но основной являлось, вероятно, нежелание великого князя портить отношения с населением новоприсоединенной Новгородской земли, а также с представителями влиятельной новгородской элиты, еще имевших здесь известные права на дань и суд⁷, и наконец, с литовским великим князем Казимиром. Поговаривали, что некоторые иски лучан против кн. И. В. Оболенского были необоснованные, «поклепные»⁸. Так или иначе, но решение великого князя не в пользу И. В. Оболенского побудило последнего перейти на службу в удел к князю Борису Волоцкому, у которого уже служил двоюродный брат Ивана Лыка — Петр Никитич Оболенский⁹. Бывший наместник уехал к новому государю не «отказавшись», не расплатив-

вшись по искам лучан. Тем самым он поставил себя в положение беглеца, на которого не могло распространяться условие между княжеских докончаний, регулирующее право объезда: «а бояром, и детем боярским, и слугам промежи нас волным воля»¹⁰.

По понятиям того времени кн. Борис нарушил служебный этикет, приняв к себе на службу слугу, отягощенного обязательствами перед прежним господином, тем более, что им был великий князь, которого удельному младшему брату следовало чтить как отца — так «установил» их отец, Василий Васильевич Темный в своем завещании¹¹.

Ситуация стала еще более трудной, когда кн. Борис отоспал назад нескольких посланцев Ивана III, пытавшегося вернуть непокорного слугу. Удельный князь дерзко ответил своему старшему брату: «Кому до него дело, ино на него суд да исправа»¹². Своим заявлением о возможности «пересудить» суд великого князя кн. Борис бросил открытый вызов авторитету Ивана III.

Вопиющее нарушение прерогатив своей власти великий князь терпеть не мог. По его приказу боровский наместник Василий Федорович Образец арестовал кн. Ивана Лыко в его вотчине и в оковах отправил в Москву. Это произошло в декабре 1479 — январе 1480 г. Великий князь в это время был в Новгороде, куда отправился еще 26 октября 1479 г.¹³.

Арест Оболенского стал той гранью в конфликте, когда он переродился в открытую конфронтацию. Князь Борис решается «отъехать» от великого князя и уходит из своего столичного города Волока Ламского в Углич на соединение с князем Андреем Большим. Свой приезд он предварил посланием, попавшим на страницы летописи. В нем кн. Борис упрекает великого князя, не поделившегося с младшими братьями выморочным дмитровским уделом кн. Юрия и присоединенной Новгородской землей — все эти «примыслы» вошли в состав великокняжеской вотчины. Кроме того, Иван III был обвинен в нарушении юрисдикции удельного князя: «А нынче и зде силу чинит: кто отъедет от него к ним, и тех бессудно емлет, уже не за бояре почел братию свою». Здесь имеется в виду не только арест кн. Оболенского, но и предшествующая попытка посланца Ивана III Юрия Шестака Кутузова схватить беглеца прямо на дворе волоцкого князя. Обвинения кн. Бориса против Ивана III заключаются итогом: великий князь забыл духовную грамоту их отца и позднейшие между княжеские докончания¹⁴.

Итак, отъезд волоцкого князя из своей вотчины положил начало открытому мятежу. 1 февраля 1480 г. кн. Борис со своими служилыми людьми отправляется в Углич, отослав семью в другой город своего княжества, в Ржеву (Володимирову). Между 7 и 13 февраля силы обоих удельных князей, кн. Андрея Большого и Бориса, соединились в Угличе¹⁵.

Весть о начавшейся замятне распространилась по стране, вызвав панику среди населения¹⁶. Остававшийся в Москве сын великого князя, кн. Иван Иванович, дал знать отцу о происходивших в Московской земле событиях, и к 13 февраля Иван III вернулся в столицу. На этой дате оканчиваются точные хронологические указания в летописях вплоть до конца марта — начала апреля. Известно, что мятежные князья, узнав о возвращении Ивана III в Москву, направились по льду Волги на запад, к литовскому рубежу. В Ржеве их нагнал посланик великого князя Андрей Михайлович Плещеев, предложивший князьям вернуться на свои уделы, но его посольство было неудачным — Андрей и Борис «поидоша изо Ржевы со княгинями и з детьми, и бояре их, и дети боярские лутчие, и з женами и з детьми и с людьми вверх по Волзе к новугородным волостем»¹⁷. Иван III отправил второе посольство во главе с ростовским архиепископом Вассианом Рыло, догнавшим князей уже в Молвитицах, в Новгородской земле. Вассиан, как видно, пользовавшийся большим авторитетом, склонил братьев к переговорам и вернулся в Москву с посланцами кн. Андрея и Бориса, их боярами — князьями Василием и Петром Никитичами Оболенскими. Сами же братья, не заходя в Новгород, пошли в Великие Луки и, «став» там, на литовском рубеже, обратились к литовскому великому князю Казимиру с просьбой, чтобы он «управил в их обидах с великим князем и помогал»¹⁸. Удельные князья опирались на постановление духовной их отца, Василия Темного, в котором предусматривалось посредничество Казимира в случае каких-либо споров между братьями¹⁹.

Архиепископ Вассиан вместе с боярами мятежных князей прибыл к Ивану III между 26 марта и 1 апреля 1480 г.²⁰. Это положило начало долгому и трудному процессу переговоров, изложение которых не входит в мою задачу. Отмечу лишь, что их исход был удачен и осенью 1480 г. войска князей Андрея Большого и Бориса были вместе со всей московской ратью на реке Угре.

К числу новых источников по истории мятежа братьев Ивана III относится великокняжеская указная грамота от 19 февраля 1480 г., публикуемая ниже.

Список с этой грамоты входит в комплекс документов, приложенных к родословной росписи Грязных, поданной в Палату Родословных дел в конце XVII в.²¹, но дошедшей до нас в позднейшей копии (XVII в.). Род Грязных достаточно известен в истории России. Вспомним, например, любимца царя Ивана Васильевича Грозного опричника Васюка Грязного, чья колоритная личность ярко отразилась в известной переписке с царем²². Но любопытней всего то обстоятельство, что Грязные в конце XVII в. еще сохраняли старинные документы своих предков. Так, из двенадцати грамот, имеющихся при росписи, только одна относится к середине XVII в. — остальные одиннадцать являются архивом трех поколений семьи служилых землевладельцев XV—XVI веков. Десять грамот из этого комплекса являются жалованными на вотчины и кормления, одна грамота — указная. Прилагая ее к росписи, представители рода Грязных конца XVII в. имели в виду показать, какие значительные службы исполняли их предки. Шесть грамот (пять жалованных и одна указная) относятся к ростовскому боярину, крупному вотчиннику Илье Борисовичу, служившему великим князьям Василию Темному и Ивану III²³. Его сын, Василий Ильич, которому принадлежит одна грамота, служил уgliцкому князю Андрею Большому. Внук Ильи Борисовича, Григорий Васильевич Грязной (отец опричника), в разное время служил великому князю Василию III, уgliцкому кн. Дмитрию Жилке, старицкому кн. Андрею Ивановичу; от них он получил четыре жалованные грамоты.

Приведем текст указанной грамоты 1480 г. Илье Борисовичу в копии XVII в.

1480 г. февраль 19. — Указная грамота великого князя Ивана III Васильевича в Ростов боярину Илье Борисовичу об участии в посольстве архиепископа Ростовского Вассиана Рыло к князьям Андрею Васильевичу Большому Уgliцкому и Борису Васильевичу Волоцкому.

Список великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии з грамоты.

От великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии боярину нашему Илье Борисовичу.

Как [к]²⁴ тебе ся грамота придет, и ты б ехал со владыкою ростовским со архиепискупом Васьяном за князь Андреем да за князь Борисом Васильевичи на Великие Луки и звал бы еси их на их вотчины. Да сыну бы еси своему Василью от меня молвил, чтоб князю Андрею своему говорил, чтоб ехал на свою вотчину. А наказ тебе был, и ты б по тому учинил, а ехал бы еси не мешкая.

Писано на Москве, лета 6988, февраля в 19 день.

Назади у тои же грамоты пишет:

В Ростов боярину нашему Илье Борисовичу²⁵.

Разберем этот текст.

От великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии... . Любопытно применение здесь титула «всеа Русии». Этот титул употреблялся в договорах московских князей с Новгородом в 1456 и 1471 гг. В жалованные грамоты, касающиеся Новгородской земли и входивших в нее некогда земель, он стал включаться сразу после присоединения Новгорода в 70-х годах XV в.²⁶ В грамотах, касающихся Северо-Восточной Руси, встречается обычно после 1485 г. (присоединение Твери). Употребление такого титула в грамоте 1480 г., посланной в Ростов, может вызвать известное недоумение. Не имела ли здесь место модернизация титула позднейшим переписчиком?

...боярину нашему Илье Борисовичу. Конечно, «боярин» тут не означает думного чина или положения введенного боярина; это местный крупный вотчинник, обладатель иммунитетно-защищенного владения. Такое значение этот термин имел в основном на территории Твери, Новгородской земли, Литовского великого княжества; его нехарактерное для Северо-Восточной Руси употребление может объясняться какими-то особенностями положения Ростова в это время.

Как к тебе ся грамота придет, и ты б ехал со владыкою ростовским со архиепискупом Васьяном... . Очевидно, к этому времени Иван III уже знал о неудаче посольства А. М. Плещеева, догнавшего мятежников в Ржеве, и решился поэтому обратиться к посредничеству лиц, более авторитетных для князей Андрея и Бориса. В самом деле, хотя Вассиан и раньше помогал Ивану III своей поддержкой, он всегда занимал свою особую позицию и не искал милостей при велиокняжеском дворе, а как ростовский архиерей Вассиан распространял свою духовную власть и на Углич. Участвующий в этом посольстве Илья Борисович по своему положению

местного ростовского вотчинника, надо полагать, также не был тесно связан с двором Ивана III; его сын служил одному из мятежных князей — кн. Андрею. Они оба — Вассиан и Илья Борисович — были почтенного возраста (Илья Борисович служил еще Василию Темному в начале его княжения); о положении и авторитете Ильи Борисовича говорит употребление полного имени и отчества (с -вичем).

...за князь Андреем да за князь Борисом Васильевичи на Великие Луки... . Важно, что ко времени написания грамоты Иван III уже знал о Великих Луках как цели движения отрядов обоих князей. Попав туда в марте, братья стали там дожидаться, когда Казимир управит их в спорах с великим князем.

...и звал бы еси их на их вотчины. Так в самой общей форме излагается программа посольства архиепископа Вассиана, участником которого был Илья Борисович, адресат грамоты. Очевидно, формулировка отражает начальную стадию процесса переговоров: братьев еще уговаривают просто вернуться. Обещание пожалований (дополнительных территорий — Калуги и Алексина) было дано князьям, видимо, позже, во время второго посольства Вассиана, в апреле 1480 г., о чем говорится в летописи: «Поидите опять на свою отчиноу,, а яз во всем вас рад жаловати»²⁷.

Да сыну бы еси своему Василю от меня молвил, чтоб князю Андрею своему говорил, чтоб ехал на свою вотчину. Василий Ильич служил кн. Андрею Большому и, как следует из грамоты, был при своем князе во время его «отъезда». Несмотря на это, Иван III рассчитывал на его лояльность и пытался использовать Василия Ильича для того, чтобы убедить кн. Андрея вернуться.

А наказ тебе был, и ты б по тому учинил, а ехал бы еси не мешкая. По свидетельству летописи, братья пошли из Углича на запад, как только узнали о возвращении Ивана III 13 февраля в Москву. В Ржеве их настигает А. М. Плещеев, а к 19 февраля, когда была составлена публикуемая указная грамота, великий князь отправляет к мятежным князьям новое посольство (с участием Вассиана). Судя по этому тексту, письменный или устный наказ новым послам (или одному из участников посольства) был готов еще ранее этой даты, скорее всего, до известия о провале миссии Плещеева.

Писано на Москве, лета 6988, февраля в 19 день. Конечный протокол грамоты содержит уточняющие данные о местона-

хождении Ивана III в разгар событий февраля 1480 г. Согласно летописям, он прибыл в Москву из Новгорода 13 февраля 1480 г., но оставался ли он в столице в последующее время, летописи не указывают.

В Ростов боярину нашему Илье Борисовичу. Адрес грамоты, находившийся на обороте подлинника, показывает нам местопребывание не только Ильи Борисовича, но и архиепископа Вассиана.

Подведем итоги. Опубликованная грамота содержит сведения, расширяющие наши представления о мероприятиях великого князя, направленных на ликвидацию мятежа его удельных братьев. Из соображения, что уже 19 февраля Иван III знал о конечной цели движения мятежных отрядов, проистекает вывод о принятом князьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким решении обратиться к Казимиру как к арбитру еще на ранней стадии мятежа, скорее всего в Угличе. Выбор Иваном III в качестве участников посольства ростовского архиепископа Вассиана и ростовского же боярина Ильи Борисовича, имевших связи в Углицком уделе, говорит о желании великого князя воздействовать прежде всего на кн. Андрея. Хотя углицкий удельный князь и не был зачинателем конфликта, в этой паре братьев он был лидером. Поэтому становится понятным стремление Ивана III использовать связи ростовцев с Углицким уделом.

¹ Историографические итоги подведены В. Д. Назаровым в упоминаемой ниже (см. примеч. 2) работе 1983 г. См. также: Шанский Д. Н. «Стоянье на Угре». 1480 г. (некоторые итоги и задачи изучения). // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 115—123.

² См.: Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; Лурье Я. С. Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе. // Русская литература. 1982. № 2. С. 52—69; Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига. // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 104—120; Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

³ Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 283—313.

⁴ РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 469, 470.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Первая половина. С. 336.

⁶ В летописном изложении приговора 1555/56 г. об отмене кормлений отразились представления правительства о злоупотреблениях истцов: «Такоже тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их (наместников и волостелей — К. Б.) людем; и как едут с кормле-

ний, и мужики многими иски отыскивают; и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша, их же не подобает в христианском законе ни слышати; и многие наместники и волостели и старого своего стяжания избыша, животов и вотчин» (ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 267). К середине XVI в. ситуация с последствиями кормлений могла обостриться, но вряд ли она была новостью.

⁷ Характерно, что при преемнике кн. Ивана Лыко, кн. Константине, архиепископ и новгородские бояре получили возможность собирать свои доходы: «и князь великий деи дал владыце лист, что ему свои жеребъи заведати и дань брати и судити, как вышней писано, а бояром дал тые жеребъи заведати, с которих им пятый сноп идеть» (РИБ. Т. 27. Стб. 472).

⁸ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 336.

⁹ Об объезде И. В. Лыко Оболенского см. также: Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth Century Muscovy. London, 1983. IV. P. 42—45; Rüss H. Adel und Adelsoppositionen im Moskauer Staat. Wiesbaden, 1975. S. 68—69, 79—80.

¹⁰ См., например, в докончании Ивана III с кн. Борисом 1473 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 69. С. 227.

¹¹ Там же. № 61. С. 198.

¹² ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 336.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. При этом сам кн. Борис нарушил ряд пунктов докончаний с Иваном III, в том числе обязательство не вступаться в вымороочный Дмитровский удел — см. докончание 1473 г. (ДДГ. № 69. С. 227—229).

¹⁵ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 198.

¹⁶ «Быша бо в страсе велице от браты его, вси гради быша в осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студени без великого князя». ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 336.

¹⁷ Там же. С. 336, 337; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 262.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 336, 337.

¹⁹ «А приказываю свою княгиню и своего сына Ивана и Юрья, и свои меншие дети брату своему, королю польскому и великому князю литовскому Казимиру...» (ДДГ. № 61. С. 197).

²⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 198.

²¹ Сохранилась в позднейшей — 1797 г. — копии, хранящейся в фонде Тверского губернского дворянского собрания: ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 919. Надеюсь опубликовать роспись и грамоты в ближайшее время.

²² О В. Грязном и роде Грязных в целом см.: Садиков П. А. Царь и опричник. // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. Кн. 1. С. 36—78; Велесовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 213—216.

²³ Правда, одна из этих грамот явно подделана или интерполирована (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 919. Л. 9).

²⁴ В рукописи отсутствует; в квадратных скобках добавлено по смыслу.

²⁵ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 919. Л. 9 об., 10.

²⁶ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 123. См. также: Кучкин В. А. О времени написания Буслаевской псалтири. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 223—224; Хорошевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 85; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (очерки

социально-политической истории). М., 1982. С. 64, 281—282. Зимин допускал, что титул «всехъ Руси» употреблялся до 1485 г. на территориях, где власть великого князя была так или иначе неполной. Как раз такое положение существовало в Ростове в 1480 г.; его пожизненной правительницей была мать Ивана III, великая княгиня Марья Ярославна. Ср.: Семченко Г. В. Присоединение Ростовского княжества к Москве. // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 173—174.

²⁷ ПСРЛ. Т. 24. С. 198.